

К вопросу о школьной диагностике

Вадим Евгеньевич Пугач,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
непрерывного филологического образования
и образовательного менеджмента филологического
факультета СПбГУ; учитель русского языка и литературы;
член Союза писателей СПб

Всё, что делается в массовой школе, не рассчитано на личность ученика. Автор этого материала — школьный учитель, заставший ещё последние годы советской педагогики и наблюдавший становление (если это слово будет адекватным проходящим в школе страшным процессам) педагогики российской. Никакие новые и новейшие стандарты — именно потому, что это стандарты — образования, что бы в них ни декларировалось, не дадут ничего, работающего на личность ученика. Пока мы стремимся к стандартному результату, знаем, каким он должен быть, продолжается бихевиористский по духу процесс образования и воспитания людей с удобными реакциями — поведенческими и интеллектуальными. Никакая количественная система оценок, никакие поддающиеся автоматическому обчёту тесты, фиксирующие так называемые знания, ничего не скажут нам о том, что происходит в психике отдельного человека. Значит ли это, что пора отказываться от гуманистической утопии человекоцентрированного образования?

А если есть альтернатива? Если можно найти приемлемый алгоритм, помогающий провести диагностику действительного уровня образованности ученика? Если мы сумеем «увидеть» то, что происходит в его психике?

Мы не предлагаем окончательного решения, у нас нет простых способов измерить сложные вещи, но что нам мешает, объединив имеющиеся уже в различных областях науки достижения, обозначить направление движения?

Коротко перечислим то, что может нам помочь.

Во-первых, это теория поля в области социальных наук К. Левина [1]. Она позволит нам представить образование, если мы понимаем его как внутреннее пространство учащегося и одновременно психический процесс, в виде метафоры. Такой метафорой станут поля культурных и ценностных ориентаций — субъективная реальность, имеющая некоторые характеристики реальности объективной (например, то, что эта реальность существует вне наблюдателя). Определить их можно так: это психические структуры, которые имеют центр и периферию, состоят из элементов, связанных между собой и находящихся между собой в динамической связи. Введя сначала понятие поля читательских ориентаций [2; с. 79–88], мы в дальнейшем нашли удобным перенести эту метафору также на культурные и ценностные ориентации [3; с. 87–90; 4; с. 12–19]. Так становится ясно, *что* мы хотим проверять. И это не уровень знаний, а состояние полей культурных и ценностных ориентаций.

Во-вторых, раз уж мы занимаемся культурными ориентациями, привлечём культурологию, которая поможет нам осознать структуру соответствующего поля исследуемого ученика, соотношение индивидуального поля культурных

ориентаций с процессами, связанными с культурой человечества в целом.

В-третьих, необходимо опереться на наши психологические знания, не отвергая ни Фрейда, ни Юнга, ни Маслоу, ни Выготского. Это поможет нам найти ходы к полю ценностных ориентаций школьника.

И, в-четвёртых, филология предоставляет нам множество методов анализа текста, вызревших в русле формализма, структурализма и постструктурализма. Владение лингвистическим, структурным, дискурсным методами анализа (речь идёт о методах исследования, разработанных филологами, главным образом, за последние два века) — ключи к любому тексту. Так становится ясно, *как* мы собираемся проверять. И для проверки нам нужен не тест, не контрольная, а творческий текст, с которым мы будем работать.

Ниже — несколько примеров такой работы. Конечно, технология эта может показаться сложной, да она и вправду сложна, но ведь и компьютеры поначалу были громоздки и доступны только специалистам. А то, что это именно технология, доказывает возможность её алгоритмизации.

Исследуя поле культурных ориентаций ученика, мы делаем следующие шаги:

- выстраиваем модель культуры «от ученика» (определяем центр и периферию его культурных интересов);
- отслеживаем соотношение поля культурных ориентаций ученика и поля «большой» культуры;
- устанавливаем связи между этими полями и вырабатываем рекомендации для педагога по расширению поля культурных ориентаций ученика.

Работа с полем ценностных ориентаций подразумевает такие действия:

- фиксацию «открытых» оценочных суждений автора текста;
- фиксацию посредством филологического анализа текста «скрытых» оценочных суждений;
- обобщение ценностных ориентаций ученика с помощью шкалы «плюс — минус».

Разумеется, порядок действий может нарушаться, но все они так или иначе должны быть произведены. В результате мы получаем доступ к информации, которую нам не дадут никакие ЕГЭ.

То, что алгоритм действует, доказывает, например, один анекдотический случай. Получив сочинение юноши-десятиклассника, учитель провёл дискурсный анализ текста и установил, что он написан девушкой. Юноша, насколько мог, настаивал на собственном авторстве, но в итоге выяснилось, что сочинение ему продиктовала бабушка...

Исследование проводилось (и продолжает проводиться) в одной петербургской школе на материале 9-го класса. Первый из текстов был написан в начале учебного года, второй — по его окончании; диагностика проводилась в рамках проекта по литературе «Автор — герой — читатель» (автор статьи был и одним из тех, кто этот проект разрабатывал).

• Пример № 1

Яна А.

А. Я читатель

Книга. Что это? Для кого-то это способ уйти от реальности, от проблем, с целью поиска какой-либо информации, быть может, это некий источник поиска ответов на имеющиеся вопросы. С книжкой мы знакомимся с самого детства, когда даже новорождённому малышу читают колыбельные, затем, когда он подрастёт, читают сказки.

Для всех и каждого книга несёт разное предназначение.

Зачем люди читают? С какой целью?

Лично для меня книга — это способ отвлечься, получить какие-то определённые эмоции, может, даже получение опыта на примере героев этих самых книг.

С первых страниц, с первым знакомством с персонажами я к ним привязываюсь. Радуюсь вместе с ними, переживаю за них. В некоторых ситуациях или героях можно даже уз-

нать самого себя или своих друзей и знакомых.

Когда читаешь, то невольно погружаешься в особую атмосферу, как будто в другой мир, отдаляясь от окружающей реальности. В голове уже выстроился образ, уже есть представление о том, как, например, выглядит тот или иной персонаж. И он выглядит именно так, каким ты его видишь, и никак иначе!

Также мне нравится прочтение книги тем, что ты сможешь «побывать» или «сделать» вместе с персонажами что-то невозможное, но то, от чего далёк или воплотить в жизнь не можешь по каким-либо причинам. Допустим, ты мечтал отправиться в далекое путешествие за гранью реальности, и с прочтением книги тебе вместе с героями это под силу.

Кому-то по душе романтические жанры книг, они ищут в этих произведениях недостающие чувства, эмоции, а кому-то, как мне, интересен жанр увлекательных путешествий, после прочтения которых будто сам в сказке бывал.

Когда книга заканчивается, становится немного грустно, ведь ты уже привык к ней. Тогда ты ищешь новую, и всё повторяется по кругу.

Каждый человек обязан читать. Он должен быть начитанным, с ним будет о чём поговорить, потому как он будет являться интересным собеседником.

Книг существует великое множество, можно найти книгу, которая придёт по душе. От мала до велика люди читают книги. Поэтому книга — это неотъемлемая часть жизни каждого человека.

Культурные ориентации

При сравнительно большом объёме текста мы видим минимум конкретики. Автор эссе заявляет, что в центре его читательских интересов — «жанр увлекательных путешествий», похожих на сказку. Это может быть научно-популярная или фантастическая литература (например, «Плутония» В.А. Обручева, что было бы достаточно неожиданным чтением

для девочки) или сказки «Тысяча и одной ночи», но с большей долей вероятности — размножившиеся до необычайности фэнтези в духе К. Льюиса или что-то подобное вплоть до комиксов. При всех похвалах автора книге назвать девятиклассницу искушённым, грамотным читателем нельзя: её представления о «романтических жанрах книг» с головой выдают наивного читателя, поле культурных ориентаций которого структурировано крайне слабо. О том же свидетельствуют многочисленные речевые ошибки, повторы, штампы. При этом именно они обнаруживают желание ученицы выглядеть серьёзной, солидной, просвещённой. Такова фраза о книге как «источнике поиска ответов». Таков поразительный тезис о «чтении» (!) колыбельных новорождённым. Таково ничем не аргументированное заключение-императив, похожее на все, что говорят скучные взрослые.

При этом Яна достаточно тонко разбирается в мотивации обращения к книге, умело анализирует собственные ощущения от процесса чтения. Похоже, она обладает наклонностями к психологии, возможно — к манипулированию.

Ценностные ориентации

Пожалуй, можно сказать, что собственное «Я» для Яны важнее мира литературы. Книга для неё не цель, а средство. Так же, собственно, как и это эссе — средство, с помощью которого можно произвести впечатление. Она, например, очень живо описывает собственные читательские переживания (не избегая, впрочем, штампов типа «погружаешься в особую атмосферу» и т.п.), но аргументы в пользу чтения выглядят ходульными. Впрочем, и по ним видно, что книга ценна вовсе не сама по себе, а как приятное дополнение к личности — личности автора эссе, разумеется. Отметим при этом, что обращение к чужим формулировкам для того, чтобы выглядеть привлекательно, может означать и неуверенность в себе, и желание скрыть что-то, и, наконец,

просто сохранить безопасную дистанцию между взрослыми и собой.

Рекомендации

Работа с Яной, видимо, должна идти по двум направлениям: развитие вкуса к языку (искоренение штампов и т.д.) и поиск первоклассной литературы, которая могла бы её понастоящему увлечь. Поля культурных и ценностных ориентаций, безусловно, находятся в зависимости от внешних влияний, но органично расти и структурироваться могут только изнутри.

В. Эссе

*«И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...»*

Приведённая строчка является ключевой в поэме А.С. Пушкина «Цыганы». В ней раскрывается конфликт между миром реальным и внутренним миром главного романтического героя, который разочаровался в своих романтических представлениях и идеалах.

Главный герой — это изгнанник, находящийся в вечном поиске свободы. Алеко, тот самый герой, хоть и представитель рода цыган, вольного, кочующего народа, всё равно не находит в нём места. Чёткая композиция этого произведения раскрывает как можно яснее читателю образы, особенности каждого из персонажей, их характеры.

Сюжет произведения заключается в поиске Алеко любви, за которой он приходит в табор и находит её, но радости ему это совсем не принесло.

Чувства девушки Земфиры по прошествии некоторого времени проходят, и главный герой не может простить такого, а именно, он не воспринимает свободу выбора других людей.

Это и является основной проблемой характера романтического героя. Он эгоист, не желающий воли, свободы для других.

В поэме есть момент, в котором старик говорит Алеко: «Ты не рождён для дикой доли, ты для себя лишь хочешь воли». Читателю становится понятна установка, по которой живёт Алеко.

Таким образом, я считаю, что А.С. Пушкин верно показал нам образ романтического героя, его проблемы и характер. Дал понять читателю, что как бы разочаровавшийся Алеко ни рвался к свободе, он всё равно не постигнет её. Не бывает и не будет полной свободы действий, нельзя жить без неких ограничений в поступках и иметь волю на все.

Резюме

Яна из двух возможностей (написать эссе о стихотворении А.С. Пушкина «Чёрная шаль» или о себе как читателе) выбирает не себя, а Пушкина, но при этом игнорирует саму тему. Одна из предложенных тем, названием которой стала цитата из поэмы «Цыганы», понимается Яной не как мостик между этой поэмой и «Чёрной шалью», а как возможность изложить проблематику поэмы. Надо уточнить, что эссе было написано после достаточно длительного занятия по этому стихотворению, причём речь о «Цыганах» на нём шла, но именно по поводу «Чёрной шали».

Поэму Яна, скорее всего, читала, но не слишком внимательно. Алеко она называет цыганом, что противоречит не только пушкинскому сюжету, но и логике её собственного рассуждения (всё-таки герой — чужой в таборе, и это подчёркивается и автором, и Яной). Что касается её рассуждений, то их формулировки («раскрывается конфликт между миром реальным и внутренним миром главного романтического героя» и др.) не скрывают след дискурса, который мы назвали бы учебным. Заучена школьно-литературоведческая терминология (конфликт, романтический герой, композиция, персонаж, характер), но она именно заучена, а не «присвоена». Во фразе «Чёткая композиция этого произведения раскрывает как можно яснее читателю образы, особенности каждого из персонажей, их характеры» виден упрощённый взгляд на литературу: у писателя есть определённая мысль, которая скорейшим путём должна быть сообщена читателю. Представления Яны о чёткости и яс-

ности сродни вкусам классицистов. В общем, можно говорить о том, что школьное литературное образование в принципе сориентировано на классицизм с его просветительским пафосом и духом назидания. Но, руководствуясь таким взглядом, адекватно судить о трагической судьбе романтического героя нельзя.

Искажающее упрощение уже в том, что Яна исключает из разговора его главный предмет — сопоставление «Чёрной шали» и «Цыган». Видимо, эта задача лежит вне пределов её компетенции.

Это впечатление закрепляет утверждение, «что А.С. Пушкин верно показал нам образ романтического героя, его проблемы и характер». Это значит, что Яна думает, будто «образ романтического героя» можно показать верно или неверно. То есть «образ романтического героя» — объективная и неизменная реальность, раз и навсегда установленная, описанная и изученная, которую писателю остаётся только тиражировать. Пушкина Яна хвалит, как ученика-отличника, хорошо справившегося с заданием. В таком случае в следующем предложении она делает очень интересную оговорку: «...как бы разочаровавшийся Алеко ни рвался к свободе, он всё равно не достигнет её». Яна, видимо, хотела сказать «достигнет». Тогда механические представления о литературном произведении, скрытые в метафорическом глаголе «рвался», переносились бы на взаимодействие Алеко и свободы: он рвётся к ней, но не достигает, потому что, в отличие от Пушкина, его герой — плохой ученик, и верно решить задачу не в состоянии. Но Алеко не *достигает* свободы, то есть не может *понять* её: истинная свобода не то, что о ней думает Алеко. Это гораздо более сложная и плодотворная мысль, чем всё, что было сказано ранее, и она ближе к действительному содержанию поэмы.

Итак, текст эссе представляет собой попытку скрыть действительные культурные ориентации автора, так как ниоткуда не следует, что то, о чём Яна пишет, её интересует. Возможно,

ответ на вопрос о культурных (да и ценностных) ориентациях Яны надо искать в случайной оговорке, выдающей её собственную ограниченность и закреплённость школьным преподаванием литературы. Постичь ценность собственных мыслей и собственной личности можно, только перешагнув классицизм учебных установок и долженствований.

Если сравнивать работу Яны с её же текстом девятимесячной давности, мы видим, что все проблемы остались. Яна по-прежнему относится ко всему, что предлагается школой, как к чему-то внешнему, выстраивает почти непроницаемую стену между собой и находящимся «по другую сторону баррикад» учителем, старается показать минимум, который, по её мнению, и требуется. Она, на наш взгляд, не учится, а отделяется от предлагаемых ей заданий, что и затрудняет диагностику. Очевидно, что это вопросы не предмета литературы, а психологии. Требуется какое-то задание, вероятно, проектного характера, сформулированное самой Яной, которое бы позволило ей в большей степени раскрыть личность и вывести на уровень сознания свои культурные интересы и ценностные ориентации.

• Пример № 2

Фёдор Б.

А. Я читатель

Мне нравится читать. Я люблю книги. Когда ты читаешь что-нибудь по монитору планшета или компьютера или даже просто воспринимаешь информацию, смотря телевизор, то это не то. Смотря телевизор, ты воспринимаешь информацию так, как тебе её навязывают, ты становишься заложником чужого мнения и визуального восприятия, а звук мешает тебе думать по-другому, и ты становишься, по сути, зомби.

Чтение через монитор или даже через электронную книгу не даёт того эффекта, который получается, когда ты читаешь книгу, перелистываешь страницы, трогаешь книжный переплет, даже чувствуешь запах книги.

Если книга старая, то тебе даже кажется, что у неё есть какая-то своя история. Эти ощущения невозможно заменить.

Мои любимые жанры — это фэнтези, роман, фольклор. Мне кажется, что мне нравятся эти жанры потому, что их герои имеют общие черты. Они могут быть храбрыми, сильными, волевыми, хитроватыми или даже иметь сверхъестественные способности. Например, из жанра фэнтези мне нравится книга «Властелин колец» Джона Толкиена. А в ней мой любимый герой не Арагорн, не Фродо и даже не Гэндальф. Мой любимый герой — это эльф Леголас. Да, он, конечно, не качок, у него нет заводного характера или каких-то фраз, как у Гимли, например, он не великий маг, но автор так описывает его лёгкие, бесшумные движения, изящную грацию, с которой он уничтожает врагов, мастерство владения луком, что хочется тоже перенестись в сказочный мир Средиземья и стать таким же, как Леголас.

Из романов мой самый любимый — серия книг Бориса Акунина про Эраста Петровича Фандорина. Русского сыщика, обладающего высоким уровнем интеллекта, хорошим воспитанием, в совершенстве владеющего дедуктивным методом, а также владеющего боевыми искусствами японских ниндзя.

Фольклор — тут мне нравятся буквально все русские сказки, книги на тему славянской мифологии и т.п.

Я считаю, что книги развивают креативное мышление, зрительную память, память вообще и помогают с грамматикой, пунктуацией и лексикой.

Культурные ориентации

Фёдор обладает уже хорошо структурированным полем читательских ориентаций (и культурных, судя по всему, тоже). Если после первых двух абзацев эссе возникает ощущение, что девятиклассник «поёт с чужого голоса» — возможно, именно потому, что он так восстает против навязчивых электронных носителей информации, — то в дальнейшем мы читаем искренние слова увлечённого читателя.

В центре его читательского интереса — фэнтези (и тут он выделяет единственного, по сути, классика жанра), детективные романы Б. Акунина и то, что касается славянской древности и мифологии. Путаясь в литературоведческих терминах, Фёдор называет весь последний блок фольклором, хотя девятиклассник включает в него и сказки, и, вероятно, псевдоисторические реконструкции мифов, и какие-нибудь фэнтези в духе М. Семёновой. Как минимум, его любимые книги дали ему представление о европейском средневековье, русском XIX веке, японской традиционной культуре, славянской древности. Нельзя не отметить широкие культурные интересы ученика, которые обнимают Европу, Русь и Восток. В последних словах эссе можно увидеть и структурированное представление о языке. И это только то, что находится в центре его поля культурных ориентаций.

Ценностные ориентации

В работе есть три блока, по которым можно судить о ценностных предпочтениях Фёдора. Во-первых, это чёткие оппозиции «книги — электронные носители информации» и «книга — телевизор»; в обоих случаях Фёдор делает выбор в пользу книги и аргументирует этот выбор. Во-вторых, он называет любимые жанры и конкретные книги, не противопоставляя их нелюбимым, то есть здесь оппозиция не возникает, но предпочтения определены достаточно внятно. В-третьих, из последней фразы мы узнаем, что девятиклассник ценит креативное мышление, память и хороший язык. Это значит, по умолчанию, что мышление готовыми штампами, маленький объём знаний и представлений и косноязычие попадают для Фёдора в число отрицательных черт человека. Таким образом, поле ценностных ориентаций также можно считать структурированным.

Рекомендации

Фёдор, на наш взгляд, готов к выполнению творческих заданий, которые способствовали бы дальнейшему

расширению и увеличению числа связей в его полях культурных и ценностных ориентаций.

В. Эссе

«Чёрная шаль» А.С. Пушкина как образец романтической лирики

По моему мнению, стихотворение «Чёрная шаль» является образцом романтической лирики. На это есть две причины.

Первая: сюжет. Классический романтический сюжет. Его использовал Пушкин в поэме «Цыганы», Козьма Прутков в стихотворении «Романс». Жена или подруга изменяет своему законному спутнику жизни, а когда он их разоблачает, то убивает и прелюбодея, и прелюбодейцу.

Вторая: характерные словосочетания и эпитеты. Например: хладная душа, кровавая сталь, терзает печаль, презренный еврей, неверная дева.

Таким образом, тезис становится обоснованным.

Резюме

Сразу видно, что выполнение задания носило формальный характер и для самого Фёдора не имело никакой ценности. Он посчитал, что достаточно написать несколько слов, уложив их в ложе школьного псевдосиллогизма. Схема «тезис — доказательство — вывод», по Аристотелю [5; с. 687], является силлогизмом тогда, когда вывод не повторяет тезис. В данном случае это не так: вывода как такового нет. Попробуем, тем не менее, исследовать тот бедный текст, который перед нами.

Первая фраза с незначительными изменениями повторяет формулировку выбранной темы. После неё Фёдор переходит к изложению доказательств, тоже предельно скупому. В том, что наблюдения над сюжетом, а также лексикой и фразеологией могут стать убедительными доказательствами, сомнения нет. Но и наблюдения здесь — мнимые. Ученик отмечает только то, что лежит на поверхности.

Начнём с того, что сочетание «классический романтический сюжет» абсурдно само по себе. Конечно,

Фёдор использует слово «классический» в значении «стандартный», «привычный», «наиболее употребительный», «признанный», то есть не в терминологическом, а в бытовом. Это несколько снимает абсурд высказывания, но говорит об определённой языковой глухоте, при которой слова используются по привычке, без внимания к значению корня.

Сопоставление «Чёрной шали» с «Цыганами» и прутковской пародией обладает несомненной ценностью, тем более что именно Фёдор во время занятия пришёл к мысли о сюжетном сходстве двух пушкинских произведений. В дальнейшей беседе он участвовал в рождении версии, что Пушкин сознательно дал две трактовки сюжета: пародийно-комическую в «Чёрной шали» (1821) и трагическую в «Цыганах» (1823). Стихотворение же К. Пруткова «Романс», предложенное ребятам на другом занятии (и, кстати, непосредственно перед эссе), не заметить было невозможно, так как оно разбиралось как пародия на Пушкина. Другой вопрос в том, что в самой сюжетной схеме (месть за измену) нет ничего специфически романтического. Эту схему, скорее, следует связать с историей не определённого стиля в искусстве, а моногамной семьи. Дело тут вовсе не сюжете, а в авторской трактовке, которая может быть воплощена в любом стиле.

Вообще Фёдор пока не обладает историческим мышлением (впрочем, сложно было бы требовать его от девятиклассника), отсюда и языковой промах в следующей фразе: «Жена или подруга изменяет своему законному спутнику жизни, а когда он их разоблачает, то убивает и прелюбодея, и прелюбодейцу». Оставим на совести ученика забавный неологизм, который, наряду со знанием устаревшего слова, скорее, радуется, но сочетание слова «подруга» с формулой «законный спутник жизни» говорит о недостатке понимания той же истории развития семьи. Сейчас формы брака размыты, но ещё столетие (тем более — два) назад слово «подруга»

в значении «любовница» или даже «гражданская жена» было бы антонимом, а не синонимом «законной» супруги.

Работа с лексикой у Фёдора оказывается столь же некачественной. Конечно, перечисленные им сочетания относятся (даже стоящий тут несколько особняком «презренный еврей») к романтическим штампам и их или подобные им можно обнаружить у любого поэта «школы гармонической точности», но совершенно неясно, как их наличие может свидетельствовать о том, что «Чёрная шаль» — образец (то есть шедевр) романтической лирики. Тогда уж не образец, а образчик...

Не сомневаемся, что такое «прохладное» отношение к заданию связано с ценностными ориентациями Фёдора. Учёба в школе для него прежде всего формальность. Нет смысла тратить силы в том случае, когда задание не носит контрольного характера и от него не зависит судьба оценки. Фёдор обычно активно и толково участвует в занятиях, но письменные работы — это другое дело, они связаны не с лёгкой интеллектуальной разминкой, а с определённым трудом, заставить сделать который способны только внешние факторы.

• Пример № 3

Анна М.

А. Я читатель

Все ставят перед собой разные цели до начала чтения. Для чего же читаю я?

Лично для меня книги, в частности художественная литература, служат своего рода пособием для жизни. Я читаю для того, чтобы перенять опыт героев, понять точку зрения автора и выявить главную идею написания произведения. Эта идея — самое важное для меня, это всё, что я могу получить для себя от книги. Иногда очень сложно докопаться до неё, и тогда я задаю себе вопрос: «Правильно ли я читаю?» Для меня правильно читать — значит читать не торопясь, запоминая детали и акцентируя вни-

мание на определённых частях произведения. Лишь так я смогу достичь преследуемых целей и получить удовольствие.

Культурные ориентации

Текст Ани оказался примерно в полтора раза меньше условленного минимума. И это, и бедность языка, и простота мысли, и отсутствие указаний на то, что именно Аня читает, и самой ученицей проговорённая задача — понять идею автора (то есть эстетическое удовольствие от чтения девятикласснице недоступно) — всё свидетельствует о том, что она находится на первых этапах подхода к книге. Может быть, и вовсе перестанет читать, когда сочтёт свой жизненный опыт достаточным. Поле культурных ориентаций Ани минимально, его трудно назвать даже точечным, потому что неизвестна та точка, от которой можно начать отсчёт.

Ценностные ориентации

Из текста эссе следует только одно: жизнь для Ани — цель, книги — средство. В своих способностях правильно понять текст художественного произведения она сомневается, предпочитает членить его на части, так как охватить произведение целиком ей, видимо, трудно. Картина грустная, но, по крайней мере, в тексте не чувствуется никакого фальшивого пафоса, и это уже его достоинство.

Рекомендации

Не стоит требовать, чтобы Аня читала много. Основное направление деятельности — развитие вкуса к чтению как источнику наслаждения, который нельзя заменить другим из-за специфического характера эстетического удовольствия.

В. Эссе

Мой круг чтения

Около двух лет меня интересует политика (как модель управления обществом), поэтому в свободное время я часто читала статьи и описания различных теорий. Также меня интересовала психология, вообще психика

человека, то, как формируется сознание и личность.

Но недавно я наткнулась на книгу, точнее, мне её посоветовали. Роман Стефана Цвейга — «Нетерпение сердца». Меня очень тронула эта книга. Язык автора очень легко воспринимался мной, я понимала каждую мысль и чувство. Содержание не было ни размазанным, ни сухим и чёрствым. Важные детали описывались легко и понятно. Не знаю, может, язык показался лёгким на фоне контраста с теориями общественного управления или чем-то подобным.

Недавно я купила то, о чём мечтала и не могла нигде найти, — полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова. Книга, конечно, далеко не карманная, но я часто читаю дома вечером.

Резюме

Небольшое эссе Ани, написанное через девять месяцев после первой диагностической работы, свидетельствует и о реальных изменениях в области культурных и ценностных ориентаций, произошедших за это время, и о том, насколько мы были правы и неправы в своих оценках ситуации в сентябре.

Внезапно выясняется, что у неё устойчивый (два года для девятиклассницы — гигантский срок) интерес к политике, в поле её читательских ориентаций входит прежде всего научная или, скорее, научно-популярная литература по социологии и психологии. Становится понятной её фраза, относящаяся и к художественной литературе: «... Идея — самое важное для меня, это всё, что я могу получить для себя от книги». То есть опыт познавательного чтения nonfiction она переносит на литературу художественную, понимая чтение чисто прагматически. Но нельзя исключить и другое соображение. Аня пока ещё не практикующий социолог или психолог, поэтому едва ли можно говорить о беспримесной прагматике такого чтения. Она явно получает от него удовольствие, а от эмоции когнитивного наслаждения рукой подать до наслаждения эстетического. Мы

склонны даже думать, что эти эмоции идентичны. Получалось, что, почти не читая художественной литературы, Аня исподволь готовила себя к её восприятию. Она считала, как это следует из первого эссе, что ею руководит прагматический интерес (и мы ошибочно приняли это за чистую монету), но почти случайное столкновение с книгой Цвейга проявило подлинный характер этого интереса. Сама лексика, которую использует Аня («тронула... книга», «содержание не было... сухим и чёрствым»), говорит о яркой эмоции, очень далёкой от прагматики. Движение к Лермонтову, поэту больших эмоций, о чтении которого, как оказалось, Аня «мечтала», укрепляет нас в мысли, что первые шаги на пути к художественной литературе девятиклассницей сделаны.

• Пример № 4

София Р.

А. Я читатель

Чтение — это духовное и моральное саморазвитие. Во время чтения развивается грамотность, расширяется собственный лексикон, формируется образное и пространственное мышление. Книга — хороший советник. Читая, можно понять, как действовать в той или иной ситуации, сформулировать свою собственную точку зрения (например, о политике, читая историческую книгу), научиться нравственному поведению. Также книга может послужить защитником от внешних проблем, открыв книгу, ты перемещаешься в другой мир, отвлекаешься от повседневной суеты и проблем.

Читатель — особый человек, который способен погружаться в другие миры с помощью искусства слова автора.

Моё первое знакомство с книгой произошло в два года. Мне, как маленькой девочке, было увлекательно слушать музыку слова, мне было интересно, как автор, наподобие волшебника, мог организовать нам путешествие в миры, в которые без его помощи мы бы не попали.

Со временем мои вкусы менялись. Я росла, и книги росли вместе со мной.

От детских сказок я выросла до школьных рассказов, а затем доросла и до романов. Книги помогали справиться с жизненными невзгодами, учили меня быть терпимей, внимательней, осторожней. Наиболее повлиявшей на моё мировоззрение книгой было произведение Маргарет Митчелл «Унесённые ветром». Это книга о любви и войне, предательстве и верности, жестокости и красоте самой жизни. Это одна из тех книг, к которым хочется возвращаться и испытывать радость при встрече.

Перечитывать эту книгу я люблю больше всего на зимних каникулах. Почему именно на зимних каникулах? Во-первых — каникулы, свободное время, а во-вторых, в это время происходит замечательнейшее событие — Новый год. Этот праздник как бы сигнал того, что мы переходим на новый этап нашей жизни, который нам надо прожить с наименьшим количеством ошибок. А лучшим наставником в этом как раз-таки является книга.

Культурные ориентации

София называет только одну книгу, к которой она постоянно возвращается, — «Унесённые ветром» М. Митчелл. Однако отзыв о книге не похож на отзыв эмоционального читателя, а напоминает расхожую аннотацию к почти любому произведению («Война и мир», «Тихий Дон», «Хожение по мукам», «Жизнь и судьба» — какую из этих эпопей нельзя охарактеризовать теми же словами?). Жанровая иерархия её интересов указана предельно общо: романы в центре, рассказы и сказки — на периферии, — но это относится не столько к Соне, сколько к возрасту абстрактного читателя. София хорошо владеет письменным языком, но это усреднённый язык функционально грамотного человека. Всё это говорит о том, что девятиклассница усвоила некий «культурный набор» компетенций и мнений, позволяющий быть адекватным в заданной жанровой ситуации (эссе), но её личные культурные интересы в этом тексте почти не проявились.

Ценностные ориентации

О ценностных ориентациях Софии можно было бы сказать похожие вещи. Она собирает в гармоническое единство все аргументы в пользу чтения, которые были перечислены и её сверстниками. Чтение, конечно, является для неё ценностью, так как предоставляет ряд очевидных удобств — от помощи в политическом самоопределении до убежища от внешнего мира в трудную минуту, — при этом вкусы и предпочтения конкретной личности как-то ускользают. Вопрос, который действительно возникает после знакомства с этим эссе, — насколько совпадает учебно-семейный дискурс с реальными интересами девятиклассницы? Ведь больше всего она беспокоится не о том, чтобы воплотить свои возможности, а о том, чтобы «прожить с наименьшим количеством ошибок».

Рекомендации

Всеми, чему могла научиться в школе София, она уже научилась. Осталось самое трудное — формирование критического мышления, осознание собственной индивидуальности.

В. Эссе

Мой круг чтения за последний год

Мой круг чтения за последний год состоит, в основном, из произведений, включённых в школьную программу. Некоторые из этих книг меня заинтересовали, другие же читала по необходимости.

Меньше всего из литературы, пройденной на уроках за этот год, меня привлекают произведения Гоголя, например, «Мёртвые души». Его произведения сложны для моего понимания.

Однако же были и такие произведения, которые поразили меня до глубины души. К примеру, читая «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, я переживала немислимую гамму эмоций: от радостных за успехи Федота Евграфовича до слёз от гибели пятерых девушек и женщин.

Немного, но мне всё же удалось выбрать книги по собственному желани-

нию, отличные от школьной программы. Одной из таких книг было произведение Булгакова «Мастер и Маргарита». Эта книга поразила меня своей фантастической или, скорее, мистической реальностью. Автор пишет о ведьмах, о колдовстве так реально, будто он бывал у них в гостях, ведь выдумать все настолько подробно и точно кажется просто невозможным.

Подозреваю, что мой круг чтения не слишком велик, и я надеюсь с помощью уроков литературы и собственной инициативы повысить его до объёма, приемлемого для культурно-образованного человека.

Резюме

В целом содержание этого эссе (как и наблюдения за работой ученицы в течение года) подтверждает первоначальную диагностику. София — типичная аккуратистка-отличница с очень чётким приоритетом должностования и ориентацией на воспроизведение выученного материала. Она не берёт на себя ответственность назвать Гоголя скучным, ограничиваясь тем, что этот автор для неё сложен; невысоко оценивает свои возможности, но при этом твёрдо знает, что её стараний и усилий должно быть достаточно для желанной пятёрки.

Всё это отражается в языке. София выбирает типичные ученические штампы, зная, видимо, что именно из них должно состоять школьное сочинение. Отсюда такие блоки, как: «сложны для моего понимания» вместо «сложны для меня», «поразили до глубины души», «переживала невыносимую гамму эмоций» или и вправду невыносимое словцо «культурнообразованный». Она как будто говорит на неродном языке; на этом фоне грамматические ошибки («радостных за успехи», «пятерых девушек») выглядят ожидаемыми.

Однако следующий абзац должен настроить нас на оптимистический лад. В искреннем отзыве о «Мастере и Маргарите» чувствуется радость освобождения от школьных рамок, и эта эмоция может стать знаком появле-

ния новых ценностей, например, таких как индивидуальность и свобода.

Надо отметить и желание ученицы разграничить фантастическое и мистическое, в котором можно увидеть и определённую сформированность поля культурных ориентаций, и достаточно тонкое для девятиклассницы понимание булгаковского романа.

Последние фразы, наоборот, настораживают, так как София вновь входит в привычное для себя русло «правильных» рассуждений. Остаётся надеяться, что «вспышки», порождённые чтением действительно сильных книг, участвуют, и по возможности способствовать этому.

• Пример № 5

Сурен М.

А. Я читатель

В нашей повседневной жизни книги встречаются везде и всегда. Книг существует много и на всевозможные темы. С помощью книг можно узнать почти любую информацию. Возможно, в виде книг хранится информации больше, чем в современном Интернете, так как знания в письменном виде накапливались веками. Больше всего меня интересует художественная литература и её значение для каждого отдельного человека и общества в целом.

Для начала необходимо понять, нужна ли литература человеку, может ли он прожить свою жизнь без книг вообще. Мне кажется, что сможет, но его жизнь будет непростой, и он будет лишён того удовольствия, которое получают люди от чтения книг. Литература, по факту, является руководством, пособием, предлагающим разные варианты поведения в определённых ситуациях жизни человека. Получается, что чтение книг является приятным и в то же время полезным занятием для каждого человека.

Книги являются производным общества, то есть общество само по себе создало книги. В книгах общество запечатлевает свои самые умные мысли, гениальные идеи или даже просто повседневную рутину.

Из моих суждений можно понять, что человек может прожить жизнь без книг. Но для общества книги являются необходимостью, неотъемлемой частью этого общества. Можно попробовать представить, что было бы с обществом без книг: любая жизненная проблема останавливает жизнь человека; то, что произошло минуту назад, стало историей, но на следующий день никто эту историю уже знать не будет. Обществу нужны книги, чтобы закрепить прогресс и не растерять его.

В заключение я бы сказал, что полагаю, что книги нужны каждому человеку. Лично я люблю читать и стараюсь получить максимальное количество информации о книге.

Культурные ориентации

Сурен не называет ни одной конкретной книги, которая произвела бы на него впечатление, отсюда — максимальные сложности в определении его культурных ориентаций. Стоит ли верить ему, что в центре его читательского интереса — художественная литература, если в его эссе нет ни одного названия? Относится ли Сурен к тому типу учеников, которые читают только то, что предписано программой по литературе? Ясно, что больше содержания отдельных книг его интересует то, что можно было бы назвать социологией чтения. Сам он, судя по всему, умеет извлекать удовольствие от чтения, но знаком и с опытом существования вне этого процесса. Или, по крайней мере, может умозрительно представить себе такой опыт. Литература для него — это источник информации и собрание примеров жизненных сценариев. Литература для общества, по его мнению, — залог существования этого общества в цивилизованном виде.

Ценностные ориентации

Чаще всего в эссе повторяется слово «информация». Только однажды проскочившее словцо «удовольствие» свидетельствует о том, что под информацией Сурен подразумевает не только факты, но и что-то, связанное с эстетической ценностью литературы. В начале эссе он даже допускает, что в книгах

информации содержится больше, чем в Интернете... При этом очевидно, что главной ценностью для него является общество (это слово тоже встречается чуть ли не в каждом предложении); литература же — не цель, а средство, «производное», то есть самостоятельной ценностью книги, в том числе художественные, не обладают. Как нам кажется, такого рода утилитарная, прагматическая ориентация хорошо сочетается с отсутствием упоминания конкретных книг, так как они оказываются только на третьем месте в системе ценностей, которую по убыванию значимости можно было бы выстроить так: общество — человек — книга.

Рекомендации

Необходима индивидуальная консультация с Суреном, так как надо узнать, что же он всё-таки читает. Стоит посоветовать ему почитать авторское предисловие к роману О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и, возможно, написать о своём отношении к идеям английского эстета.

В. Эссе

Круг чтения

У меня почти вся литература 19-го века не вызывает положительных эмоций. Она отсталая, она не несёт какой-либо важной или полезной информации для современного человека. Безусловно, литература 19-го века является великим достоянием культуры, но только как язык, которым она написана.

Например, «Герой нашего времени». Лермонтов рассказывает о герое своего времени, а не нашего, его реалии, принципы неактуальны для нас. Эту книгу можно использовать разве что как историческую справку или для повышения общей культуры человека.

Однако я случайно прочитал книгу Тургенева «Рудин» и в течение года перечитал. Конечно, сюжет, как и в других книгах эпохи, банальный. Но из книги можно вынести что-то действительно полезное. Если посмотреть на книгу как на историю о человеке и отбросить других героев, то получится полезное для каждого человека произведение. О том, к чему может

привести пустое красноречие или неумение вести дела с другими людьми.

Конечно, книги 19-го века таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, являются наследием, но не всегда из них можно вынести актуальные современному человеку уроки.

Резюме

Надо отметить неизменную последовательность Сурена. Он сторонник строго прагматического чтения, более того, считает, что «положительные эмоции» порождают только приносимой пользой. Критическое мышление, в высокой степени присущее Сурену, позволяет ему самостоятельно определять, что важно, полезно, актуально, а что нет. При этом он пытается сохранить объективность, в его взглядах нет и следа нигилизма. Называя классическую литературу «отсталой», он признаёт её культурно-историческую ценность, вообще признаёт ценность «общей культуры человека», но не связывает её с пользой или положительными эмоциями, которые ценит существенно выше.

Сурен — успешный ученик, в том числе и в области языка и литературы, что видно и по его работе, в которой не так много ошибок (из явных недочётов в глаза бросается только нарушение управления в словосочетании «актуальные современному человеку»). Можно не сомневаться, что при таких прагматических установках он будет успешен и в жизни. И здесь возникает чисто педагогическая проблема: стоит ли пытаться колебать позитивистские убеждения ученика (система его взглядов больше всего напоминает именно позитивизм), его самоуверенность и во многом — самодовольство, чтобы расширить поле его ценностных ориентаций, показать, что мир, в том числе мир художественный, устроен сложнее, чем ему кажется, что существуют вещи важнее пользы? Учтём, что такая работа по расшатыванию только-только сложившегося и вполне комфортного мировоззрения небезопасна. Именно поэтому в данном случае мы воздержимся от прямых рекомендаций.

Заключение

Мы ни в коем случае не настаиваем на том, что предложенный нами способ интроспекции прост или надёжен. Приведённые материалы — скорее приглашение к размышлению о личности ученика в современном образовательном процессе. Хотелось бы надеяться, что, в конце концов, на этом синтетическом пути анализа удастся достичь такой ясности, что подобный опыт можно будет транслировать.

Впрочем, независимо от успеха или провала конкретных исследований берём на себя смелость утверждать следующее: количественная диагностика, ориентирующаяся на чётко сформулированную норму, неизбежно заводит образование в тупики бихевиоризма, в то время как дорога к личностно центрированному образованию ведёт только через изучение субъективной психической реальности учащегося.

Литература

1. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
2. Поле читательских ориентаций как фактор духовного становления личности подростка / Успешное чтение: теория и практика: Методическое пособие для педагогов. СПб., 2009.
3. Пугач В.Е. Содержание образования и гуманитарная образовательная парадигма / Альтернативное образование. Другая дидактика. Особенности дидактики личностно значимого образования: Сборник материалов VI Всероссийской конференции по альтернативному образованию, 28–29 мая 2010 г. СПб., 2011.
4. Пугач В.Е. Приобщение к основам религиозных культур в школе: подходы и проблемы. / Педагогика. Научно-теоретический журнал РАО. М., № 5, 2015.
5. Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. — М., 1978.